

Вооруженные конфликты в современном мире

В эпоху двухполярного мира и «холодной войны» одним из главных источников нестабильности на планете были многочисленные региональные и локальные конфликты, которые и социалистическая и капиталистическая системы использовали в своих интересах. Изучением таких конфликтов стал заниматься специальный раздел политологии. Хотя общепринятой их классификации создать так и не удалось, по накалу противостояния сторон конфликты обычно стали подразделять на три категории: 1) наиболее острые; 2) напряженные; 3) потенциальные. Исследованием конфликтов начали заниматься и географы. В результате, по мнению некоторых ученых, в политической географии стало формироваться новое направление – *геоконфликтология*.

В 90-х гг. XX в., после окончания «холодной войны», военно-политическая конфронтация между двумя мировыми системами ушла в прошлое. Удалось разрешить и ряд региональных и локальных конфликтов. Однако многие очаги международной напряженности, которые получили наименование «горячих точек», сохранились. По американским данным, в 1992 г. в мире насчитывались 73 горячие точки, из которых в 26 шли «малые войны» или происходили вооруженные восстания, в 24 был отмечен рост напряженности, а 23 были отнесены к категории очагов потенциальных конфликтов. По другим оценкам, в середине 90-х гг. XX в. в мире насчитывалось около 50 районов постоянных военных столкновений, партизанской борьбы и проявления массового терроризма.

Изучением военных конфликтов специально занимается Стокгольмский институт проблем международного мира (СИПРИ). Само понятие «крупный вооруженный конфликт» определяется им как продолжительное противоборство между вооруженными силами двух или более правительств или одного правительства и по меньшей мере одной организованной вооруженной группировки, приводящее в результате военных действий к гибели не менее 1000 человек за все время конфликта, и в котором непримиримые противоречия касаются управления и (или) территории. В 1989 г., с которого начинается статистика СИПРИ, таких конфликтов было зарегистрировано 36. В 1997 г. было отмечено 25 крупных вооруженных конфликтов в 24 точках земного шара, причем все они (за исключением одного) имели внутригосударственный характер. Сравнение этих цифр свидетельствует о некотором уменьшении числа вооруженных конфликтов. Действительно, за указанный промежуток времени удалось добиться хотя бы относительного урегулирования вооруженных конфликтов в Абхазии, Нагорном Карабахе, Приднестровье, Таджикистане, Боснии и Герцеговине, Либерии, Сомали, Гватемале, Никарагуа, Восточном Тиморе и в некоторых других в прошлом горячих точках. Но многие конфликты разрешить так и не удалось, а кое-где возникли новые конфликтные ситуации.

В начале XXI в. на первом месте по общему числу вооруженных конфликтов оказалась Африка, которую даже стали называть континентом конфликтов. В Северной Африке примерами такого рода могут служить Алжир, где правительство ведет вооруженную борьбу с Исламским фронтом спасения, и Судан, где правительственные войска ведут настоящую войну с народами южной части страны, выступающими против насильственной исламизации. И в том и в другом случаях количество как воюющих, так и погибших измеряется десятками тысяч. В Западной Африке продолжались действия правительственных войск против оппозиционных вооруженных группировок в Сенегале, Сьерра-Леоне; в Центральной Африке – в Конго, Демократической Республике Конго, Чаде, ЦАР; в Восточной Африке – в Уганде, Бурунди, Руанде; в Южной Африке – в Анголе и на Коморских островах.

Примером страны с особенно затяжным конфликтом, который много раз то угасал, то вспыхивал с новой силой, может служить Ангола, где вооруженная борьба Национального союза за полную независимость Анголы (УНИТА) с правительством началась еще в

1966 г., а закончилась только в 2002 г. Длительный конфликт в Заире завершился победой оппозиции; в 1997 г. название страны было изменено, и она стала называться Демократической Республикой Конго. Число погибших в гражданской войне в этой стране достигло 2,5 млн человек. А в ходе гражданской войны в Руанде, вспыхнувшей в 1994 г. на межэтнической почве, людские потери превысили 1 млн человек; еще 2 млн стали беженцами. Не устранены разногласия между Эфиопией и соседними Эритрией и Самоли.

Всего же, по имеющимся подсчетам, за послеколониальный период, т. е. с начала 60-х гг., в ходе вооруженных конфликтов погибло более 10 млн африканцев. При этом политологи отмечают, что большинство таких конфликтов связано с бедными и беднейшими странами этого континента. Хотя ослабленность того или иного государства в принципе не обязательно должна приводить к конфликтным ситуациям, в Африке подобную корреляцию можно проследить достаточно отчетливо.

Вооруженные конфликты характерны и для разных субрегионов зарубежной Азии.

В Юго-Западной Азии арабо-израильский конфликт, уже не раз перераставший в ожесточенные столкновения и даже войны, длится в общей сложности более 50 лет. Начавшиеся в 1993 г. прямые переговоры между Израилем и Организацией освобождения Палестины (ООП) привели к некоторой нормализации обстановки, но процесс мирного урегулирования этого конфликта до сих пор не завершен. Довольно часто его прерывают новые вспышки ожесточенной, в том числе вооруженной, борьбы обеих сторон. Правительство Турции давно ведет войну с курдской оппозицией и ее армией. Правительства Ирана (а до недавнего времени и Ирака) также стремятся вооруженным путем подавить оппозиционные группировки. И это не говоря уже о восьмилетней кровопролитной войне между Ираном и Ираком (1980–1988), о временной оккупации Ираком соседнего Кувейта в 1990–1991 гг., о вооруженном конфликте в Йемене в 1994 г. Очень сложной продолжает оставаться политическая обстановка в Афганистане, где после вывода советских войск в 1989 г. план ООН по мирному урегулированию был фактически сорван и началась вооруженная борьба между самими афганскими группировками, в ходе которой власть в стране захватило религиозное движение «Талибан», свергнутое в 2001–2002 гг. антитеррористической коалицией стран во главе с США. Но, конечно, самая большая военная акция США и их союзников по НАТО была предпринята в 2003 г. в Ираке для свержения диктаторского режима Саддама Хусейна. Фактически эта война еще далеко не закончена.

В Южной Азии главными очагами вооруженных конфликтов продолжает оставаться Индия, где правительство ведет борьбу с группами повстанцев в Кашмире, Ассаме, а также находится в состоянии постоянной конфронтации с Пакистаном из-за штата Джамму и Кашмир.

В Юго-Восточной Азии очаги военных конфликтов существуют в Индонезии (Суматра). На Филиппинах правительство ведет борьбу с так называемой новой народной армией, в Мьянме – против одного из местных националистических союзов. Почти в каждом из этих затяжных конфликтов число погибших исчисляется десятками тысяч человек, а в Камбодже в 1975–1979 гг., когда власть в стране захватила левозэкстремистская группировка «красных кхмеров» во главе с Пол Потом, в результате геноцида, по разным оценкам, погибло от 1 млн до 3 млн человек.

В зарубежной Европе в 90-х гг. эпицентром вооруженных конфликтов стала территория бывшей СФРЮ. Почти четыре года (1991–1995) продолжалась здесь гражданская война в Боснии и Герцеговине, во время которой было убито и ранено более 200 тыс. человек. В 1998–1999 гг. ареной крупномасштабных военных действий стал автономный край Косово.

В Латинской Америке вооруженные конфликты наиболее характерны для Колумбии, Перу и Мексики.

Важнейшую роль в предотвращении и разрешении таких конфликтов и контроле за ними играет Организация Объединенных Наций, главная цель которой и заключается в сохранении мира на планете. Большое значение имеют операции ООН по поддержанию мира. Они не ограничиваются превентивной дипломатией, а включают также прямое вмешательство сил ООН («голубые каски») в ход вооруженных конфликтов. За время существования ООН было проведено более 40 такого рода операций по поддержанию мира – на Ближнем Востоке, в Анголе, Западной Сахаре, Мозамбике, Камбодже, на территории бывшей СФРЮ, на Кипре и во многих других странах. Военный, полицейский и гражданский персонал из 68 стран, который в них участвовал, насчитывал около 1 млн человек; около тысячи из них погибли при выполнении миротворческих операций.

Во второй половине 90-х гг. XXв. число таких операций и их участников стало сокращаться. Например, в 1996 г. численность войск, задействованных в миротворческих операциях ООН, составляла 25 тыс. человек, а находились они в 17 странах: в Боснии и Герцеговине, на Кипре, в Ливане, Камбодже, Сенегале, Сомали, Сальвадоре и др. Но уже в 1997 г. войска ООН были сокращены до 15 тыс. человек. И в дальнейшем предпочтение стали отдавать не столько военным контингентам, сколько миссиям наблюдателей. В 2005 г. число миротворческих операций ООН было уменьшено до 14 (в Сербии и Черногории, в Израиле и Палестине, в Индии и Пакистане, на Кипре и др.).

Снижение военно-миротворческой активности ООН лишь отчасти можно объяснить ее финансовыми затруднениями. Сказалось и то, что некоторые из военных операций ООН, относящиеся к категории *операций по принуждению к миру*, вызвали осуждение многих стран, поскольку сопровождалась грубейшими нарушениями устава этой организации, в первую очередь – основополагающего принципа единогласия постоянных членов Совета Безопасности и даже фактической подменой его Советом НАТО.^[9] Примерами такого рода могут служить военная операция в Сомали, «буря в пустыне» в Ираке в 1991 г., операции на территории бывшей СФРЮ – сначала в Боснии и Герцеговине, а затем в Косово, антитеррористическая военная операция в Афганистане в 2001 г. и в Ираке в 2003 г.

И в начале XXI в. вооруженные конфликты представляют собой большую опасность для дела мира. Нужно иметь в виду и то, что во многих районах подобных конфликтов, где военные действия прекратились, создалась обстановка скорее перемирия, чем прочного мира. Просто из острой стадии они перешли в стадию напряженных или потенциальных, иными словами, «тлеющих» конфликтов. Именно к этим категориям можно отнести конфликты в Таджикистане, Боснии и Герцеговине, Косово, Северной Ирландии, Кашмире, Шри-Ланке, Западной Сахаре, на Кипре. Особую разновидность очагов таких конфликтов представляют собой еще продолжающие существовать так называемые *самопровозглашенные (непризнанные) государства*. Их примерами могут служить Республика Абхазия, Нагорно-Кара-бахская Республика, Южная Осетия, Приднестровская Молдавская Республика в СНГ, Турецкая Республика Северного Кипра, Сахарская Арабская Демократическая Республика. Достигнутое во многих из них со временем политическое и военное затишье, как показывает опыт, может оказаться обманчивым. Подобные «тлеющие» конфликты по-прежнему таят в себе большую угрозу. Периодически конфликты на этих территориях обостряются и ведутся настоящие военные действия.

Политическая география

Политическая география – пограничная, переходная наука, которая возникла *на стыке географии и политологии*.

Оформление политической географии в качестве самостоятельного научного направления произошло в конце XIX – начале XX в. Оно было связано с появлением книги немецкого географа, этнографа, социолога Фридриха Ратцеля «Политическая география». Идеи Ратцеля затем развили в своих работах английский географ Хэлфорд Маккиндер («Британия и британские моря»), шведский политолог Рудольф Челлен («Государство как организм») и другие авторы. Политической географии продолжали уделять внимание и многие русские географы, например В. П. Семенов Тян-Шанский.

В 30-50-е гг. XX в. в связи с подготовкой, а потом и развязыванием Второй мировой войны, затем с началом «холодной войны», приведших к коренным изменениям политической карты мира, государственных границ, к возникновению двух противоборствующих политических систем, к распространению военных баз, к зарождению региональных конфликтов и прочему, политическая география получила дальнейшее развитие как в теоретическом, так и в практическом плане. На Западе появились работы Р. Хартшорна, С. Джонса, М. Готмана, других видных ученых. Однако в СССР, несмотря на интерес к политико-географическим исследованиям со стороны Н. Н. Баранского, И. А. Витвера, И. М. Маергойза, в целом они развивались очень медленно.

С конца 70-х гг. XX в. политическая география – как самостоятельное научное направление – переживает период нового подъема. В странах Запада выходит много политико-географических книг и атласов, издаются политико-географические журналы. В России многие важные проблемы нашли выражение в работах В. А. Колосова, С. Б. Лаврова, Я. Г. Машбица, Ю. Д. Дмитриевского, Н. С. Мироненко, Л. В. Смирнягина, О. В. Витковского, В. С. Яги, Н. В. Каледина, Р. Ф. Туровского, М. М. Голубчика и других географов. При этом можно говорить о становлении в значительной мере новой политической географии, отличающейся от традиционной соответственно тому, как современный этап мирового развития отличается от предшествующих.

Существует много определений политической географии. В качестве примера самого краткого определения можно привести следующее: *политическая география – это наука о территориальной дифференциации политических явлений и процессов*. Но в большинстве случаев специалисты в области этой науки формулируют свои определения более пространно. Так, по Я. Г. Машбицу, политическая география исследует территориальную расстановку классовых и политических сил в связи с социально-экономическими, историческими, политическими, этнокультурными и природными особенностями развития регионов и стран, их районов, городов и сельской местности. По В. А. Колосову, современные политико-географические исследования можно классифицировать по трем территориальным уровням: к макроуровню относятся исследования по миру в целом и по его крупным регионам, к мезоуровню – по отдельным странам и к микроуровню – по отдельным городам, районам и т. д. В 80–90-х гг. XX в. в отечественной политической географии наибольшее развитие получили первый и второй из этих уровней.

Очевидно, что на глобальном и региональном уровнях в сферу интересов политической географии должны войти изменения, происходящие на политической карте мира (связанные с образованием новых государств, изменениями их государственного строя, государственных границ и т. д.); изменения в соотношении сил основных политических, военных и экономических группировок; важнейшие территориальные аспекты международных отношений, включая географию очагов международной напряженности и военных конфликтов. Быстро развивается и новое направление политико-географических исследований – *политическая география Океана*. Это объясняется тем, что Мировой океан в наши дни также стал ареной активных

политических событий, отражающих изменения в расстановке политических сил и соответственно в разграничении морских акваторий.

Что же касается политико-географического страноведения, то обобщая (и упрощая) имеющиеся публикации, с известной долей условности можно утверждать, что в сферу интересов политико-географического страноведения могут входить следующие вопросы:

- особенности общественного и государственного строя, формы правления и административно-территориального деления, внутренней и внешней политики;

- формирование государственной территории, ее политико-географическое положение, оценка границ и самообеспеченности основными природными ресурсами, пограничных районов;

- географические различия в социально-классовой структуре населения, в его национальном и религиозном составе, политические отношения, складывающиеся между социальными группами, нациями, государственными и местными органами власти;

- география партийно-политических сил страны, включая политические партии, профсоюзы, общественные организации и движения, их влияние на политическую и общественную жизнь, районы политической напряженности и социальных взрывов;

- организация и проведение избирательных кампаний, референдумов, а также забастовок, демонстраций, вооруженных выступлений, сепаратистских, подпольных, партизанских движений, затрагивающих интересы различных социальных сил.

Анализ источников показывает, что в российской политической географии постсоветского периода наибольший интерес вызвали два направления – геополитика и электоральная география.

Геополитика прежде и теперь

Геополитика (географическая политика) – одно из главных направлений политической географии. Как и политическая география, она рассматривает происходящие в мире процессы и явления на разных уровнях. На глобальном и региональном уровнях ее главная задача заключается в исследовании географии международных отношений, в особенности баланса сил, складывающегося между великими державами. На уровне отдельных стран – в изучении положения той или иной страны в системе существующих военно-политических и экономических взаимоотношений, которые влияют на ее внешнюю политику и определяют изменения в ее геополитическом положении. Можно сказать, что геополитика рассматривает каждое государство как пространственно-географический организм, живущий своими ритмами и имеющий свое собственное неповторимое лицо. Иногда говорят также о *прикладной геополитике* или геостратегии.

В качестве основных геополитических факторов обычно рассматривают:

- *географические* (пространство, положение, природные условия и ресурсы);
- *политические* (тип государственного строя, социальная структура общества, взаимоотношения с другими государствами, участие в политических союзах и блоках, характер государственных границ и режим их функционирования, наличие горячих точек);
- *экономические* (уровень жизни населения, степень развития ведущих отраслей экономики, участие во внешних экономических связях);
- *военные* (уровень развития, боеспособность и боеготовность вооруженных сил, уровень развития военной инфраструктуры, степень подготовки военных кадров, военные расходы);
- *экологические* (степень деградации природной среды и меры по ее охране);
- *демографические* (характер воспроизводства населения, его состав и размещение);
- *культурно-исторические* (уровень развития науки, образования, здравоохранения, культурные и трудовые традиции, этнические и религиозные взаимоотношения, криминогенная обстановка).

Геополитическая доктрина каждого государства определяется всей совокупностью перечисленных факторов. Но наибольшее значение обычно отводят географическим и политическим факторам.

В своем развитии геополитика, как и вся политическая география, прошла ряд этапов.

Первый этап нередко называют этапом *классической геополитики*. Он охватывает конец XIX и начало XX в., когда происходило резкое обострение многочисленных военно-политических противоречий, борьбы за территориальный передел мира, которые в конечном счете и привели к Первой мировой войне. Главными идеологами и, как часто говорят, отцами геополитики в этот период стали немецкий географ Ф. Ратцель, шведский политолог Р. Челлен и английский географ Х. Маккиндер.

Ф. Ратцель в своей «Политической географии» выдвинул идею о том, что государство – это своего рода живое существо и его жизнь так же во многом определяется окружающей средой, как и жизнь живых организмов. Поэтому для улучшения своего географического положения государство – особенно молодое, растущее – имеет право изменять свои границы, увеличивать свою территорию путем присоединения соседних земель, а также расширять свои заморские колониальные владения. Именно Ф. Ратцель ввел в оборот термины «жизненное пространство» и «мировая держава». Идеи Ф. Ратцеля получили еще более крайнее выражение в работах Р. Челлена, который применил их к конкретной геополитической ситуации в тогдашней Европе, доказывая, что Германия, занимающая в ней центральное положение, должна объединить вокруг себя остальные европейские державы.

Х.Маккиндер в своем докладе «Географическая ось истории» (1904) подразделил весь мир на четыре большие зоны: 1) «мировой остров» (World Island) трех континентов – Европы, Азии и Африки; 2) «сердцевинную землю», или Хартленд (Heartland) – Евразию; 3) «внутренний полумесяц», или окраинный пояс, опоясывающий Хартленд, и 4) «внешний полумесяц» (рис. 4). Из этой геополитической модели мира вытекал основной тезис Маккиндера, сформулированный им как важнейший геополитический закон: тот, кто контролирует Восточную Европу, доминирует над Хартлендом; тот, кто доминирует над Хартлендом, доминирует и над «мировым островом»; тот, кто доминирует над «мировым островом», доминирует над всем миром. Отсюда прямо вытекало, что центральное геополитическое положение в мире занимает Россия.

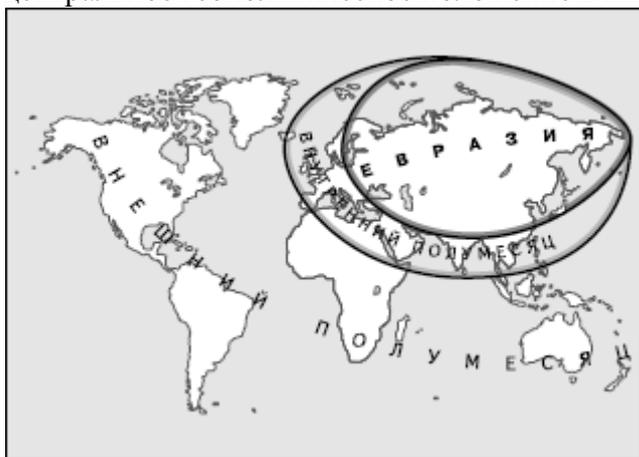

Рис. 4. Геополитическая модель Х. Маккиндера (по А. Дугину)

Второй этап развития геополитики охватывает период между Первой и Второй мировыми войнами, когда идеи реваншизма получили наибольшее распространение в Германии. В фашистской Германии геополитика стала, по существу, официальной государственной доктриной, широко использовавшейся для обоснования агрессии и территориальных притязаний. Еще в 1924 г. Карл Хаусхофер основал геополитический журнал «Цайтшрифт фюр геополитик», пропагандировавший идеи реваншизма и перекройки границ. Позднее он стал главой фашистской геополитики, основателем института геополитики в Мюнхене, президентом германской академии наук. В этот период в основном сформировались такие геополитические понятия, как «жизненное пространство», «сфера влияния», «страна-сателлит», «пангерманизм», и другие, при помощи которых оправдывали территориальные захваты в Европе, нападение на Советский Союз. В годы Второй мировой войны геополитические концепции получили широкое распространение и в Японии.

Третий этап, начавшийся вскоре после Второй мировой войны, охватил четыре десятилетия «холодной войны» между двумя мировыми системами. На этом этапе геополитические изыскания активизировались во многих странах Западной Европы, в особенности во Франции, в Германии и Великобритании; стал выходить международный геополитический журнал «Геродот». И тем не менее главный центр геополитической мысли переместился в США, где было выдвинуто много новых концепций.

В качестве примера можно привести концепцию Саула Коэна. Он выделил две основные геостратегические сферы – морскую и континентальную, в каждой из которых, по его мнению, доминирует одна из двух сверхдержав. В пределах первой сферы он предложил различать четыре региона: 1) Англо-Америку со странами Карибского бассейна; 2) Европу со странами Северной Африки; 3) Южную Америку и Тропическую Африку; 4) островную Азию и Океанию. Во вторую сферу он включил два региона – Хартленд и Восточную Азию. С. Коэн выделил также пять главных политических центров мира – США, Россию, Японию, Китай и Западную Европу. Помимо реанимации идеи Х. Маккиндера о Хартленде, американские геополитики разрабатывали сценарии ядерной

войны, определяли зоны жизненных интересов США, «дуги нестабильности» и т. д. Известный американский политолог, директор Центра стратегических исследований Гарвардского университета С. Хантингтон выдвинул концепцию, согласно которой основные противоречия современного мира имеют в своей основе противоречия между существующими на планете цивилизациями – иудео-христианской, мусульманской, буддистской и др. По его мнению, вооруженные конфликты в первую очередь возникают в районах так называемых *цивилизационных разломов*.

В Советском Союзе на третьем этапе геополитика фактически не получила никакого развития. Это в основном объясняется тем, что сам термин «геополитика» оказался как бы скомпрометированным, поскольку его связывали только с милитаристскими идеями западного блока. В советских научных и справочных изданиях геополитику обычно характеризовали как реакционное направление буржуазной политической мысли, основанное на крайнем преувеличении географических факторов в жизни общества, как лженаучную концепцию, которая использует географическую терминологию для обоснования захватнической политики капиталистических государств. В результате ярлык буржуазного геополитика угрожал каждому, кто хотел вторгнуться в эту сферу исследований.

Четвертый этап в развитии этого направления наступил в конце 80-х гг. XX в. Его иногда называют этапом новой, *неконфронтационной, геополитики*. Действительно, с окончанием «холодной войны» и крушением биполярной системы международных отношений произошло общее потепление мирового геополитического климата. Противостояние капитализма и социализма завершилось поражением второго. Прямым следствием отхода от прежней конфронтации двух мировых систем и двух сверхдержав – США и СССР – стало постепенное затухание некоторых конфликтов, расширение процессов мирного урегулирования, уменьшение военных расходов и числа военных баз на чужих территориях и др. Начался перевод международных отношений из характерной для прошлых времен плоскости военного противостояния в русло прежде всего экономического, культурного, дипломатического взаимодействия. Современный мир из двухполюсного начал превращаться в многополюсный, а международные отношения стали более добрососедскими, регулярными и предсказуемыми.

Однако все это вовсе не означает, что переход от геополитики противостояния к геополитике взаимодействия (причем как на глобальном, так и на региональном уровнях) можно считать завершенным. Мировая геополитическая обстановка осложняется тем, что и в многополюсном мире выделяется одна супердержава – США, которая, как показывает опыт, отнюдь не отказалась от политики диктата и военной угрозы, исходя из своего понимания «нового мирового порядка». Далее, геополитическая обстановка теперь характеризуется появлением на мировой арене новых центров-«тяжеловесов», которые претендуют на роль мировых или по крайней мере региональных лидеров. Это Западная Европа, Япония (хотя обладая большой экономической мощью, она не отличается военной мощью), Китай, Индия, арабский мир. На Западе еще не сняты с вооружения идеи «атлантизма», основанные на силе НАТО, что уже неоднократно приводило к довольно резкому обострению международной напряженности (например, в связи с событиями в Косово, Чечне).

Подобная геополитическая ситуация ставит сложные проблемы перед молодой российской геополитикой, которая за последнее время превратилась в одно из наиболее быстро развивающихся научных направлений.

В России начала складываться своя геополитическая школа, костяк которой составляют не только политологи, но и географы (В. А. Колосов, Н. С. Мироненко, Л. В. Смирнягин, Н. В. Петров в Москве, С. Б. Лавров, Ю. Д. Дмитриевский, Ю. Н. Гладкий, А. А. Анохин в Санкт-Петербурге). Появились исследования, содержащие геополитический анализ с элементами геополитической стратегии и прогнозирования. Большой научный и практический интерес представляет разработка вопроса о государственных границах,

которые влияют на территориальное развитие через свои фундаментальные свойства – барьерность и контактность. К новым направлениям относится изучение геополитических аспектов Мирового океана, взаимозависимости между политической, экономической и экологической ситуациями, роли пограничных районов и т. д.

Естественно, что главный вопрос, на который должна дать ответ отечественная геополитика, – это вопрос о месте и роли России в современном мире. Он подразделяется на несколько подвопросов. Приведем важнейшие из них. Остается ли Россия, обладающая большим ядерным потенциалом, великой державой или из-за своего сильного экономического отставания она перешла в разряд региональных держав? Как должны строиться отношения России со странами СНГ, где Россия имеет геополитические интересы стратегического характера, с США, Западной Европой, Китаем, Японией, Индией, Арабским Востоком? Как обеспечить сохранение своей собственной территории, что для каждой страны является высшим государственным интересом?

Характерно, что в связи с этим снова обострились споры о *евразийстве* – политическом (геополитическом) и философском течении, зародившемся в среде русской эмиграции в 20–30-х гг. XX в.

«Евразийцы» выступали против преувеличения роли Европы в мировой истории, т. е. *европоцентризма*. Они рассматривали огромную территорию России как особый исторический и географический регион, относящийся и к Европе, и к Азии и образующий особую культурную область – Евразию. Известно, что уже в недавнее время идеи евразийства развивал видный историк и географ Л. Н. Гумилев, который также считал Россию-Евразию особым, своеобразным, но при этом целостным миром, имеющим большее родство не с Европой, а с Азией. В конце XX в. идеи евразийства (неоевразийства) снова приобрели большую популярность в научных и общественных кругах России и некоторых стран СНГ. Многие стали выступать против «западников», ссылаясь и на то, что государственный герб России – двуглавый орел – имеет симметричную форму, и это нужно понимать как некий символ равновеликости отношений страны с Западом и с Востоком. Идеи неоевразийства разделяют и некоторые российские ученые с мировыми именами, например академик Н. Н. Моисеев, защищавший концепцию «евразийского моста». Существует общероссийское общественно-политическое движение «Единство», возглавляемое профессиональным геополитиком А. Г. Дугиным. Его сторонники считают, что именно евразийство должно стать той национальной идеей, которой так недостает современной России.

Пока еще роль России в мировой геополитической системе окончательно не определилась. Симптоматично, что заключительная глава новой книги по проблемам геополитики страны озаглавлена «Хмурое утро: геополитические перспективы России на пороге XXI века».^[13] Отсюда вытекает: чтобы не превратиться в полупериферийную страну, Россия должна подчинить свою геополитическую и геоэкономическую стратегию одной главной задаче – постепенному превращению в действительно процветающую великую державу с современной экономикой, высоким уровнем жизни людей, развитой демократической системой власти.